

Дм. КУТУЗОВ

Против фальсификации истории

В нынешнем году исполнится 125 лет со времени наполеоновского похода на Россию, Бородинской битвы, пожара Москвы.

В битве русских с татарами на Куликовом поле в 1380 году, в Смутное время (1598–1613 гг.), в годовщину Полтавского боя (1709 г.), во времена Бородинского боя русский народ сражался, выражаясь современным языком, с интервентами, сражался на собственной территории, захваченной врагом, и исход борьбы мог означать либо дальнейшее укрепление государства, либо — в случае победы иноземных захватчиков — разгром, расчленение страны, угрозу потери русским народом своей независимости.

Вот почему память народная так крепко хранила эти переломные даты, вот почему несмотря на все социальные противоречия, имена Дмитрия Донского, Минина и Пожарского, Ивана Сусанина, Петра Великого и генерала Кутузова были популярными, и отражение этих имен в литературе и в наше время встречает сочувственное и взволнованное внимание.

Интерес к эпохе войны 1812 года не может не оживить и более широкого интереса к французской буржуазной революции и к той стадии ликвидации демократических начал, ее удушения, которая сочетается с именем Наполеона. За сто с лишним лет около 200 000 книг, журнальных статей написано о Наполеоне. Поистине монбланы литературы!

Во всей исторической литературе за последнее время мы имеем только одну попытку дать обобщенный и [нрзб.] портрет Наполеона, показав его биографически во всем сложном богатстве грандиозной эпопеи, активнейшим участником которой являлся Наполеон.

Мы говорим о книге профессора Е. В. Тарле «Наполеон», вышедшей в прошлом году массовым тиражом.

Понятно, что именно к такой книге уровень наших требований должен быть особенно высок. Всякая ошибка, неправильная концепция в ней получают особо отрицательную значимость.

А этих ошибок в книге проф. Тарле немало. Притом это не случайные ошибки, не обмолвки, а пороки, так сказать, «конструкции книги», пороки исторической концепции.

Книга проф. Тарле вышла год тому назад под редакцией Радека, ныне разоблаченного и осужденного советским судом троцкистского бандита. Печать радековских взглядов несомненно лежит на книге. Концепция цезаризма в показе исторических фигур, апология наполеона, смазывание переломных моментов в истории революции, презрительное отношение к истории России, к борьбе русского народа за независимость — разве все это не характерно для Радека?

Даже внешняя конструкция книги типична для «литературных приемов» Радека, этого матерого двурушника, мастера маскировки. Книга Тарле обильно снабжена цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина. Но какова роль этих цитат? Только маскировочная. Они механически пристегнуты к тексту, в изложении же и оценке исторических событий протаскивается антимарксистская, антиленинская концепция. Мы знаем теперь, что этот прием маскировки являлся основой двурушнической тактики всех троцкистских литераторов. Приняв эту тактику, Тарле солидаризировался со своим редактором Радеком и послушно выполнял данный ему заказ.

На удочку этой маскировки попались и некоторые наши историки. Так, например, помещенная в № 1 за 1937 год журнала «Историк-марксист» рецензия Н. Лукина представляет собою безудержное восхваление книги Тарле. Н. Лукин многословно говорит о «ярком, увлекательном» изложении наполеоновской эпопеи у Тарле, о том, что книга «читается с захватывающим интересом с начала и до конца», о том, что, «опираясь на соответствующие места из сочинений Маркса и Энгельса, проф. Тарле правильно отметил двоякую природу наполеоновской диктатуры».

И — ни одного слова о фальсификации истории в книге, ни одного слова о редакторе Радеке... Когда же писались эти похвалы Тарле, когда оказалось нужным замолчать роль Радека в редактировании книги? Номер журнала сдан в набор 3 февраля 1937 года, а 9 марта 1937 года ответственный редактор Н. Лукин подписал к печати и благословил к выходу в свет восторженную рецензию историка Н. Лукина... Так делается иногда «историческая критика»!

В книге проф. Тарле мы видим Наполеона-цезаря, сверхчеловека, фигуру явно надклассовую и надисторическую, действия которой оказались на пользу крупной буржуазии лишь потому, что он сам счел нужным так поступать. Жизнь, история, социальная борьба, выдающиеся люди эпохи, господствующий класс ничего ему не подсказали.

Забыто указание Маркса (в «Святом семействе»), что Наполеон «усматривал уже истинную сущность новейшего государства; он уже

понимал, что государство это имеет своей основой беспрепятственное развитие буржуазного общества, свободной движением частных интересов и т. д. Он решился признать эту основу и взять ее под свое покровительство». Здесь историческое место Наполеона дано с исчерпывающей ясностью.

Наполеон органически вырос из недр буржуазного режима Директории, ему предстояло лишь завершить то, на что не только Директория, но и сама буржуазия в тот момент была неспособна: провести переворот 18 брюмера, покончить с остатками революционного демократизма и свобод и, проведя страну сквозь ярмо Империи, сквозь испытания войн, дать возможность крупной буржуазии материально и государственно стать на ноги. Энгельс объясняет нам («Развитие социализма», а также «Анти-Дюринг»), как могло случиться, что на некоторый период молодая буржуазия могла добровольно уступить Наполеону внешние прерогативы власти. Он говорит о том периоде, когда «...изверившаяся в своих собственных политических способностях буржуазия искала спасения сперва в подкупности Директории, а затем под крылом наполеоновского деспотизма».

Крыло оказалось тяжелым, период «спасения» затянулся дольше, чем того хотели «спасаемые». Наполеон сумел обмануть и временно привлечь к себе крестьянство (кроме Вандеи), сумел создать бюрократию буржуазного государственного аппарата, преданно служившую его воле, затянул войны, опираясь на армию, ставшую в основе своей профессиональной, и под конец впал в «династическое безумие» (как выражается Маркс), во время которого он «легкомысленно потерял» крестьянина, погубил свой оплот — армию, разложил (упорствуя в континентальной блокаде) бюрократию, восстановил против себя буржуазию и сам погиб, раздавленный всеми этими противоречиями.

В этом стержень судьбы Наполеона, в этом смысл марксистского объяснения его биографии и его эпохи.

Игнорирование этих простых и бесспорных вещей увлекло проф. Тарле на путь не только апологетической «фактографии» в портрете Наполеона, но и на путь ошибок, искажающих перед читателем историческую перспективу. Ведь неискушенный читатель, прочтя главу о законодательстве первого консула и в самом деле подумает, что гений Наполеона смог «из ничего» родить гражданский кодекс, ставший библией всей европейской буржуазии больше чем на сотню лет. А ведь на самом деле над кодексом работало множество людей, он обсуждался уже при Наполеоне около 4 лет, он рассылался на заключение судебным органам и получал оттуда много поправок. Кодекс стал евангелием буржуазии именно потому, что сама крупная буржуазия и ее юристы создавали его, заботливо очищая гражданское право и от пережитков феодализма, и от демократических наслоений до-термидорианского периода,

нашедших свое отражение в двух первых проектах Камбасереса. Недаром же Энгельс (в «Маркс») не называет Наполеона создателем кодекса, а говорит о кодексе, как о продукте, «созданном в революционную эпоху и Наполеоном только испорченном...».

Как ни хороша была созданная Наполеоном бюрократия, но никак не может вызвать доверие утверждение проф. Тарле, будто «отчетность и контроль в каждом ведомстве был организован так, что каждый казенный грош должен был быть на точном и явственном учете». Несколько исторических анекдотов на эту тему, приведенных автором, несколько не убеждают нас. Мы знаем, что сам Наполеон умер обладателем состояния в 200 миллионов франков золотом (придя к власти нищим), что его маршалы сказочно богатели, что в эпоху Империи создавались крупнейшие состояния, процветали грандиозные спекуляции. Зачем же понадобилась эта фальсифицирующая историю легенда о «справедливом деспоте», рачителе народной копейки?

Проф. Тарле кое-где в своей книге характеризует Наполеона, как «ликвидатора революции». Тема эта — наиболее волнующая и жгучая в истории наполеоновской эпохи. И тем не менее она никак не раскрыта в показе событий. Мало того, в этом показе есть серьезные ошибки перспективы и прямые извращения. Автор часто говорит о «рабочем классе», о рабочих предместьях, о их волнениях, обидах и в этом разрезе видит конфликт Наполеона с революцией. Между тем Энгельс отчетливо напоминает нам (в «Анти-Дюринге»), что в этот период Франции «пролетариат, еще не выделившийся из общей массы неимущих людей, составлял в то время лишь зародыш будущего класса и не был способен к самостоятельному политическому действию».

Конфликт с революцией, удушение ее шли не только по линии ущемления зародыша пролетариата. Первоначальный фазис революции выразился не только в разгроме феодализма и развязывании буржуазных основ производственных отношений, но и в атмосфере свободы, широкого демократизма, активного участия широких мелкобуржуазных масс и интеллигенции в политической жизни. В 1794 году термидорианский переворот нанес первый удар этой демократии и свободе. Но демократия еще не умерла и боролась. В 1799 году, 18 брюмера, Наполеон деспотически покончил с ее последними остатками и открыл эпоху политической реакции, которая отлично уживалась с расцветом сил крупной буржуазии.

Вот почему товарищ Сталин в своей речи на Пленуме ЦК точно и определенно говорил:

«А что из себя представляло наполеоновское правительство? Буржуазное правительство, которое задушило французскую революцию и сохранило только те результаты революции, которые были выгодны крупной буржуазии».

Здесь слова «крупной буржуазии» употреблены не случайно. В этом смысл наполеонизма, анализу этого сдвига в ходе революции посвящено немало блестящих страниц у Маркса и Энгельса.

В заключительной главе своей книги Тарле возвращается к вопросу о взаимоотношениях Наполеона с революцией. Употребляя термин «ликвидатор революции», он, однако, тут же выдает свои приемы маскировки, пытаясь ослабить значение этого термина и опять возвращаясь к мысли о том, что Наполеон-де был и завершителем революции. Тарле игнорирует слова Энгельса о деспотизме Наполеона, слова, употребленные отнюдь не случайно. Деспот-Наполеон совершенно сознательно опирался лишь на крупную буржуазию и сохранял лишь то, что было ей выгодно. Подкупив французского крестьянина закреплением парцеллярной собственности на землю, он в то же время отстранял его от участия в политической жизни. На плечи крестьянства, мелкой буржуазии городов, масс рабочих Наполеон возложил всю тяжесть физических и материальных издержек своей завоевательной, грабительской внешней политики. Для рабочих эпоха Наполеона была ознаменована введением полукрепостнических «рабочих книжек» и запрещением стачек. Освободительный дух революционных войн сменился при Наполеоне-императоре ярко выраженным империализмом (в тогдашнем смысле этого слова). В своем законодательстве и административных реформах Наполеон тщательно вытравил все, что напоминало предшествующую ему демократическую эпоху. Вернув во Францию эмигрантов — бывших помещиков, он нанес еще один удар революции и, в сущности, облегчил возвращение Бурбонов.

Таков был в действительности Наполеон, законченный душитель революции. Этого Наполеона мы не видим в книге Тарле.

Из этого искажения истории рождается и другое искажение. Ленин задал всем историкам наполеоновской эпохи интереснейшую и четкую задачу. В своей статье «О брошюре Юниуса» он говорит: «...войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контрреволюционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю, тогда из национальных французских войн получились империалистические, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона».

Ведь это исключительно яркий пример того, как надо диалектически трактовать подлинную историю! А что мы видим у проф. Тарле? У него Наполеон, его генералы, армии совершенно неизменны на всем протяжении французских войн, от 1793 до 1815 года. Не виден постепенный переход армии от революционного ополчения, проникнутого идеями свободы, равенства и братства, какой она была в период подъема французской революции, до профессиональной гвардии и принудитель-

но набранных рекрутов периода разгрома третьей коалиции и похода на Москву. Совершенно непонятно, куда же девалась революционизирующая роль французских войн первого периода и когда и как произошло превращение этих войн в империалистические, бонапартистские.

Это искажение перспективы целиком вытекает из пленившей проф. Тарле концепции цезаризма.

На всем протяжении книги перед нами очень ярко предстает Наполеон, как активная фигура. Он приказывает, подбирает людей, ведет дипломатические переговоры, обдумывает планы кампаний и сражений, осматривает одежду солдат, следит за ценами на рынке. Особенно подчеркивается, что он не терпел ничьих указаний и советов. Но ведь он же действовал не в безвоздушном пространстве, не самопроизвольно. Автор сам указывал, что Наполеон умел подбирать себе помощниками по военной, государственной и дипломатической части исключительно талантливых людей. Как работали эти люди? Неизвестно. На всем протяжении книги мы видим лишь пешек в руках первого консула, позднее императора. Как создавался гражданский кодекс? Как угадывал Наполеон нужды своей буржуазии, деспотом и слугою которой он был? Как действовал механизм идеологического воздействия господствующего класса на свою власть, без наличия которого невозможно ничего понять в наполеоновской эпохе? Все это неизвестно, все это поглощено образом цезаря, гиганта, сверхчеловека, вместившего в себе всю буржуазную мудрость эпохи каким-то таинственным, чуть не мистическим путем.

С чувством обиды и возмущения читаешь в книге Тарле главу о 1812 году.

Со всей категоричностью автор утверждает: «ясно, что если испанскую гверилью можно называть действительно народной войной, то к России 1812 года применять этот термин нельзя».

Бесспорно, что в войне 1812 года Россия переживала момент большого внутриполитического напряжения. И тем не менее война, несмотря на свою непродолжительность, вызвала одинаковое отношение к вторжению Наполеона в самых различных слоях русского населения. Ведь нельзя же думать, что моральное поражение, понесенное Наполеоном под Бородиным, могло быть достигнуто только палочной дисциплиной в русской армии. Неверно изображать партизанство в период сентябрь—декабрь 1812 года, как движение, в котором крестьянство якобы не участвовало. Нельзя представлять все командование русской армии, как скопище случайных людей, в большинстве своем бесталанных, пассивных. Такой глубокий и серьезный военный исследователь, как Клаузевиц, участвовавший в войне 1812 года, иначе оценивает ряд командиров. Массовый уход городского населения из оккупированных Наполеоном городов (особенно опустение Москвы), а также

беспорный успех ополчения можно понимать только, как показатель народности войны.

Все эти вопросы, важнейшие для понимания сущности войны 1812 года, либо обойдены в книге Тарле, либо показаны в неверном освещении. В этом отношении книга о Наполеоне не отвечает на законный интерес читателя к истории нашей родины, к истории борьбы русского народа за свою национальную независимость.

Несмотря на исключительное обилие работ о Наполеоне на европейских языках, книга Тарле переведена на французский и английский языки и получила за границей широкое распространение. Буржуазный читатель смакует книгу и ничуть не обижается на имеющиеся в ней цитаты из Маркса и Ленина. Не ясно ли, что фальсифицирующая историю действительная концепция Радека—Тарле разгадана буржуазным европейским читателем и доставила ему удовольствие?

